

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА МЕРКУЛОВА

доктор филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики
Воронежский государственный университет
(Воронеж, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-1364-5812; igell@yandex.ru

СУФФИКСАЛЬНОЕ ФОРМООБРАЗОВАНИЕ РУССКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

А н н о т а ц и я . Обсуждается проблема разграничения словообразования, формообразования и словоизменения с опорой на системный (собственно языковой) критерий. Предполагается, что система образования форм в своей основе едина для всех слов русского языка – глаголов, прилагательных, существительных и неизменяемых слов, сочетающихся с нулевой парадигмой словоизменения, а это означает возможность и необходимость выделения суффиксально маркированных категорий существительных. Уточняется статус формообразования. Критерием формообразования является любое присоединение аффикса, не ведущее к изменению флективной парадигмы. Формообразование аффиксально, как словообразование, и грамматично (парадигматично), как морфология. Формообразование от словоизменения отличает лишь грамматический способ: суффикс, а не флексия; а объединяет – обязательность выражения (нулевым или маркированным членом категории). Предложенное понимание формообразования требует выделения в качестве морфологических категорий существительных, традиционно описываемых либо в качестве лексико-грамматических (единичность, собирательность), либо описываемых в словообразовании (гендер, невзрослость). Если флективные парадигмы характеризуют грамматический строй русского языка как флективный, то суффиксальные парадигмы свидетельствуют о наличии в русской морфологии и элементов агглютинации.

К л ю ч е в ы е с л о в а : формообразование, словоизменение, словообразование, парадигма, грамматические категории существительного

Д л я ц и т и р о в а н и я : Меркулова И. А. Суффиксальное формообразование русских существительных // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 5. С. 8–16. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1329

ВВЕДЕНИЕ

Общепринято, что важнейшей функцией языка является коммуникативная. Минимальной единицей коммуникации считается реальная (этическая) единица речи – фраза, представляющая этическую единицу языка – предложение. А. А. Шахматов писал: «Язык в своих элементах зародился и развивался в составе предложения, предложение является единственным способом обнаружения мышления в слове» [21: 276]. При этом, как убедительно показал И. П. Распопов, синтаксическая структура предложения имеет два воспроизводимых аспекта: *конструктивно-синтаксический*, выражаемый (преимущественно сегментными) грамматическими способами, и *коммуникативно-синтаксический*, выражаемый (в русском языке) словорасположением, интонацией и логическим ударением [15: 31]. Неизменность синтаксической функции словоформы в предложении свидетельствует о коммуникативной несущественности

(инвариантности) различий: *Налей мне чаю / чайку! Схожу-ка я за хлебом / хлебушком! Синенький / синий скромный / скромненький платочек / платок падал с опущенных плеч. Так хочется картошки / картошечки!* Очевидно, что тождество синтаксической функции, как правило, сопровождается и формальным тождеством флективной парадигмы. Как флексии образуют морфологические парадигмы, различающиеся грамматическими значениями, так их могут образовывать и суффиксы. В целом в русистике сложилась странная практика: относить к морфологии флективные парадигмы, а суффиксальные парадигмы – к словообразованию, но при этом признавать словоизменительными «степени сравнения» прилагательных, выражаемые специальными суффиксами: *бел_ый – бел=ее_# – бел=ейш_ий*. При этом почти никого не смущает не только то, что «форма превосходной степени» прилагательного оформляется суффиксом, но и то, что «форма сравнительной степени» при-

лагательного вообще не склоняется и выполняет совсем иную синтаксическую функцию: не определения, а предиката (в составе сложного именного сказуемого): *Его лицо стало белее мела. Яль на свете всех милее, Всех румяней и белее?* (Пушкин). Если и считать сравнительную степень формой, то только формой краткого прилагательного, выполняющего также функцию предикатива. К счастливому исключению относится А. А. Зализняк, писавший:

«С морфологической точки зрения образование степени сравнения представляет собой процедуру, существенно отличную от тех, которые встречаются в основной части системы именного словоизменения. Иначе говоря, независимо от решения поставленных выше вопросов, эта процедура требует отдельного, обособленного описания (по своей структуре, по-видимому, сходного с описанием словообразовательных отношений)» [3: 91].

Флективные формы лежат в основе понимания и описания А. А. Зализняком русского словоизменения. Именно поэтому формы превосходной степени прилагательного рассматриваются им как самостоятельные прилагательные [3: 91]. Соответственно, все суффиксальные образования относятся к словообразованию. Тогда каждый раз при присоединении аффикса должно образовываться новое слово с новой парадигмой (*гусь – гусиный, книга – книжный, дружить – дружба* и др.), однако часто этого не происходит (*шуба – шубка, дом – домище, альпий – альпийский, серный – сернистый, простить – прощ^{сти}ать* и др.).

Подобная позиция уже становилась предметом критического анализа, например, в работах А. Н. Барулина, выделявшего в качестве предмета дискуссии с устоявшейся традицией: 1) описание русского именного словоизменения в письменно-словарной форме, непригодной для этого, 2) безморфемную морфологию, 3) ориентацию исключительно на флексию [1]. Эта ориентация на флексию при определении формы является источником всех споров. При этом само собой разумеющимся признается суффиксальное (!) образование глагольных форм времени и вида. Налицо столкновение двух аспектов – онтологического (особенностей системы языка) и гносеологического (традиции его описания).

* * *

Постараемся разрешить это противоречие, опираясь на системный подход. В работе «Слова языка» Ф. Ф. Фортунатов пишет: «...формой отдельных слов называется... способность отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих **формальную и основную принадлежность слова**», то есть аффикс и основу [17: 136].

«Слово может заключать в себе более одной формы (здесь и далее выделено жирным нами. – И. М.). Ведь в основе слова, имеющего форму, могут также выделяться для сознания говорящих формальная принадлежность и основа. Например, в русском языке слова *беленький, красненький*, имеющие известную форму целого слова, общую им со словами *белый, красный*, заключают и в основах *беленьк-, красненьк-* также известную форму, так как в этих основах выделяется для сознания говорящих **формальная принадлежность -еньк-** и основы *бел-, красн-* (с л и н мягкими), а эти основы известны без данной формальной принадлежности в словах *белый, красный*» [17: 138].

И, наконец:

«*Всякая форма слов, образуемая аффиксом, предполагает существование другой формы, в которой те же основы являются без данного аффикса, т. е. или с другим аффиксом, или без всякого аффикса, как основы слов в другой форме*» [17: 147].

Если =ЕНЬК_ составляет «формальную принадлежность» слова, то так же, как *бел_ь, бел_а, бел_о* и *бел_ы* делятся на основу *бел_* и парадигму (*Ъ-А-О*)-Ы, словоформа *бел=еньк_ий* делится на основу *бел=* и парадигму =*еньк_ий*, словоформа *бел=оват_ый* на основу *бел=* и парадигму =*оват_ый*. То же наблюдается и в парадигме глагола: *нес=л_ (ь/а/о/и)* и *нес=e_ (шь, т, м, те)*, *нес=и_ (ø, те)*. Консонантные флексии в парадигме непрошедшего времени старославянского языка выделял Ф. Ф. Фортунатов [18: 296–306], а в русском языке – его ученик А. А. Шахматов [20: 176], [22: 196].

Суммируя основы глаголов совершенного и несовершенного вида, А. А. Кретов предлагает выделять 11 основ русского глагола: 1) основу инфинитива (-ТЬ), 2) основу непрошедшего времени (-Е/О), 3) основу прошедшего времени (-Л), 4) основу императива (-И/Й), 5) основу действительного причастия настоящего времени (-УЩ), 6) основу действительного причастия прошедшего времени (-ВШ), 7) основу страдательного причастия настоящего времени (-ОМ), 8) основу страдательного причастия прошедшего времени (-Н/-Т), 9) основу деепричастия глаголов несов. (-АЯ) вида, 10) основу деепричастия глаголов сов. вида (-АВ), 11) основу *юссива* (-ОМ). О юссиве, в современных типологических исследованиях часто именуемом *гортативом*, см. [12: 80–81], где автор называет его *инклюзивной* формой. Все эти основы различаются суффиксами, каждый из которых несет четкое значение: инфинитива, настоящего времени, прошедшего времени, императива, действительного залога и настоящего времени, действительного залога и прошедшего времени, страдательного залога и настоящего времени, страдательного залога и прошедшего времени, деепричастия, юссива [9].

Если считать язык системой, то логично предположить, что система образования форм в своей основе едина для всех слов русского языка – глаголов, прилагательных, существительных и неизменяемых слов, сочетающихся с нулевой парадигмой словоизменения (ср. [11]). Это и является гипотезой нашего исследования русских существительных, позволяющей уточнить системный статус русской морфологии и отношение к словообразованию.

В качестве исходных принимаются следующие положения.

1. Морфологическое слово – основа (неизменная последовательность морфем) с присоединяемыми к ней грамматическими парадигмами.

2. Система образования форм едина для всех изменяющихся слов русского языка.

3. Система образования форм располагает едиными принципами и единой техникой формообразования – флективно-суффиксальной. Отдавая должное традиции, можно говорить о *флективных парадигмах*, а развивая ее – о *суффиксальных парадигмах* (суффиксальный статус морфем -Л_{пр.вр.}, -И_{пов.накл.}, -ТИ_{инф.} у глаголов, и -ЕЙШ/-АЙШ у прилагательных вроде бы никто не оспаривает).

4. Флективные парадигмы мы предлагаем (вслед за А. А. Зализняком) называть «словоизменительными», а аффиксальные – формообразующими / формообразовательными.

Если у глаголов и прилагательных обычно признаются суффиксально образованные формы, то почему их нельзя признать и у существительных? Под суффиксальной парадигмой понимается ряд соотносимых (взаимообусловленных) словоформ, в которых морфологические значения выражены суффиксами. Некоторые из таких значений упомянуты в работе А. А. Шахматова «Учение о частях речи»:

«Нижеследующие грамматические категории обнаруживаются в существительных морфологически, синтаксически, далее *посредством словообразовательных суффиксов* и интонации: число, конкретность и абстрактность, единственность и множественность, единичность, считаемость, парность, совокупность, одушевленность и неодушевленность, род, бытие или наличность, увеличительность, уменьшительность, ласкательность, пренебрежительность (курсив наш. – И. М.)» [22: 44].

Развивая идеи Ф. Ф. Фортунатова, можно подразделить «основные принадлежности» на *простые* и *сложные*, а «формальные принадлежности» – на *флективные* и *суффиксальные*.

Анализ суффиксальных парадигм приводит к «вечной» лингвистической проблеме – соотношению словоизменения и словообразования.

«Так, будет ли *стол*ик формой слова *стол*? Это не так уж ясно, хотя в языковедении обыкновенно говорят об уменьшительных формах существительных», – сомневался Л. В. Щерба [23: 77]. По существу, спор идет о том, являются ли значения *уменьшительности-увеличительности, нейтральности-ласкательности, положительной-отрицательной оценочности* и подобные лексическими или грамматическими. В заблуждение вводит также термин «словообразовательное значение», обычно применяемый для характеристики указанных выше значений. По сути он объединяет три принципиально разнородных типа значений, выражаемых суффиксами: модификационное – по М. Докулилу [24: 200] (морфологическое, типа «Женск. к X», «Детёныш X-а), описываемое в статье, трансформационное (синтаксическое, по Е. Куриловичу [13: 61], типа «Действие по значению глагола X, «Прил. к X») и мутационное, по М. Докулилу (семантическая конденсация комплексных наименований, по А. В. Исаченко [4: 346–347], лексико-семантическая компрессия, добавляющая в производное слово лексическое значение опущенной основы «хозяина» сжимаемого в одно слово словосочетания, например *газированная вода* > *газировка* ‘газированная вода’). Объединяет эти разнородные значения чисто формальный признак: все они передаются суффиксами. Но предполагать единство содержания, исходя из подобия формы, значит не знать азов диалектики формы и содержания. Отсутствие словообразовательного значения убедительно доказывает А. А. Кретов в статье «Альтернативный взгляд на русское словообразование» [5: 10–11].

Нельзя не признать правоту В. В. Виноградова, помещавшего словообразование между грамматикой и лексикой. М. Докулил, Е. Курилович и А. Исаченко только разделили грамматику на морфологию и синтаксис, попутно уточнив механизмы, обеспечивающие это разделение.

На наш взгляд, систему отношений морфологии и словообразования с учетом характера основы и парадигмы можно представить следующим образом (табл. 1).

В связи с этим имеет смысл различать **лексическую** и **грамматическую основы** слова. Так, например, в формах *кат=ну=ть* – *кат=и=ть* – *кат=а=ть* – *кат=ыва=ть* или *дом* – *дом=ик* – *дом=ищ_е* **лексическая** основа неизменна, а **грамматическая** – *кат=ну-*, *кат=и-*, *кат=а-*, *кат=ыва-* и *дом=0-* – *дом=ик-* – *дом=ищ-* меняется при неизменности флективной парадигмы. Тут суффиксы чередуются так же, как во флективной парадигме чередуются флексии. В соот-

ветствии с *природным принципом* устройства плана выражения языка: «А сочетается с не-А» [6] словообразование, как образование нового слова, всегда межчастеречно. Например, *лес-лесной-лесник* (везде меняется **лексическая** основа и парадигма). Изменение парадигмы (с субстантивной на адъективную и опять на субстантивную) изменяет часть речи. Суффиксация позволяет придавать лексической семантике

разные синтаксические функции и изменять парадигму производящего слова. Тут мы приходим к пониманию соотношения лексической и грамматической семантики: *лексическая семантика* подобна жидкостям, которые можно налить в самые разные *грамматические формы*: чтобы передать кому-либо жидкость, ее надо для этого во что-то налить (для этого формы и существуют).

Таблица 1

Соотношение словообразования, формообразования и словоизменения

Table 1

Relationship between word formation, form formation, and inflection

Раздел	Подраздел	Основа	Парадигма
Словообразование <i>лес-лесной-лесник</i>	–	изменяется	изменяется
Морфология	Формообразование <i>лес-лесок-лесочек</i>	изменяется	не изменяется
	Словоизменение <i>лес-леса-лесу-лесом</i>	не изменяется	не изменяется

Формообразование же имеет место между единицами одной части речи. Морфема, не меняющая парадигмы, несет грамматическое значение (*лес-лесок-лесочек*). Критерием *формообразования* является любое присоединение аффикса, не ведущее к изменению флективной парадигмы. Таким образом, аффиксы основ могут образовывать собственные парадигмы и передавать морфологические (то есть языковые, а не экстралингвистические) значения.

И, наконец, словоизменение (*лес-леса-лесу-лесом*) оставляет и основу, и парадигму неизменными. Формообразование аффиксально, как словообразование, и грамматично (парадигматично), как словоизменение. Формообразование от словоизменения отличается лишь грамматический способ: суффикс, а не флексия; а объединяет – обязательность выражения (нулевым или маркированным членом категории).

Рассмотрим суффиксальные парадигмы существительных в русском языке.

1. Парадигма РАЗМЕРНОСТИ. В ней две привативные оппозиции образуют эквиполентную благодаря наличию общего немаркированного члена.

Поскольку парадигмы принято давать в виде таблицы, воспользуемся этим способом (табл. 2).

В некоторых случаях можно говорить о дефектности парадигмы, которая рассмотрена в статье [14].

В размерной парадигме русских существительных, как правило, сочетаются несколько значений: *аугментативность* – это не только

увеличительность, но и усиление, а *диминутивность* – не только уменьшительность, но и ласкательность или пренебрежительность.

Таблица 2

Парадигма размерности русских существительных

Table 2

Dimension paradigm for Russian nouns

Норма	Меньше нормы (диминутив)	Больше нормы (аугментатив)
Борода	Бородка	Бородища
Ворота	Воротца	Воротища
Голос	Голосок	Голосище
Гора	Горка	Горища
Город	Городок	Городище
Зверь	Зверек	Зверюга
Корзина	Корзинка	Корзинища
Корова	Коровка	Коровища
Мужик	Мужичок	Мужичище
Пёс	Пёсик	Псина
Рана	Ранка	Ранища
Стог	Стожок	Стожище
Туча	Тучка	Тучища
Ум	Умок	Умище
Яма	Ямка	Ямища

2. Парадигма НЕЙТРАЛЬНОСТИ-ЭКСПРЕССИВНОСТИ. Для этой парадигмы характерно то, что к объективному называнию присоединяется еще суффикс, предлагающий, кроме того, определенную точку зрения на объект. Соответствующий фрагмент действительности уже обозначен единицей лексикона и извлекается из него, формообразование осуществляется с прагматиче-

ской направленностью, отражая сферу интересов, пристрастий говорящего в данной коммуникативной ситуации.

«Употребление существительных с суффиксами субъективной оценки – “печеньки Нуланд”, печалька, ответочка, повесточка – является сегодня признаком “модного” публицистического или сетевого дискурса»,

– отмечает Л. Г. Смирнова [16: 19]. И все благодаря тому, что процесс образования этих форм стандартный и регулярный (табл. 3).

Таблица 3

Парадигма нейтральности-экспрессивности русских существительных

Table 3

Neutrality-expressivity paradigm for Russian nouns

Нейтральная форма	Положительная форма	Отрицательная форма
Папа	Пап=оч=к_а, пап=ул_я, пап=ус_я, пап=ан_я	Пап=к_а, пап=аш_а
Мама	Мам=оч=к_а, мам=ул_я, мам=ус_я, мам=ан_я	Мам=к_а, мам=аш_а
Брат	Брат=ик_ь, брат=иш=к_а	Брат=ок_ь, брат=ан_ь, брат=ух_а
Зять	Зят=ёк_ь,	
Дура	Дур=оч=к_а, дур=аш=к_а	Дур=ёх_а, дур=ынд_а
Борода	Бород=иш_а, бород=уш=к_а	Бород=енк_а, бород=ишк_а
Голубь	Голуб=ок_ь, голуб=чик	

Суффиксальная парадигма в данном случае представлена оппозицией: нейтральная форма – экспрессивная форма, причем окраска маркированной формы может быть как положительной, так и отрицательной, хотя строгое их разграничение возможно не всегда.

Отличительной особенностью эмоциональных суффиксов является их способность со временем утрачивать свою семантику (десемантизироваться), что ведет к необходимости «освежить» ее прибавлением нового эмоционального (уменьшительно-ласкательного) суффикса (*река-речка-речечка, рама-рамка-рамочка*).

3. Парадигма СОБИРАТЕЛЬНОСТИ. Особенность этой парадигмы заключается в том, что она представлена двумя видами противопоставлений (табл. 4).

С одной стороны, собирательность противопоставлена несобирательности как маркированный член немаркированному. С другой стороны, собирательность противопоставлена единичности как немаркированный член маркированному. А. А. Шахматов называл эту категорию категорией совокупности и отмечал, что «морфологи-

чески» она обнаруживается как формами множественного числа, так и некоторыми формами единственного числа:

«...представление о совокупности может вызываться (однако рядом с представлением о простой множественности) некоторыми формами множ. числа, по происхождению своему являющимися формами единств. числа с собирательным значением; это, с одной стороны, первоначальные слова женск. рода на -а, -ья: *господа, братья, сватья, мужья, князья* (вм. *княжся*, под влиянием *князи*), *друзья* (вм. *дружся*, под влиянием *друзи*); с другой стороны, это первоначальные слова средн. рода, в которых окончание -ье фонетически изменилось в -ья: *деревья, ключья, колья*; параллельными образованиями множ. числа может иногда выражаться множественность: *зубья* (при зубы), *листья* (при листья), *волосья* (при волосы)» [21: 48].

Единственное же число со значением совокупности, по А. А. Шахматову, передается иногда особыми суффиксами со значением собирательности -ья: *братья*, -ьё: *старичье, мужичье, бабье, воронье*, -ня: *родня*, а также «относящиеся сюда же слова, как *голытьба*» [21: 48].

Таблица 4

Парадигма собирательности русских существительных

Table 4

Collectivity paradigm for Russian nouns

Нейтральная форма	Собирательная+
Дурак	Дурач=й_о
Баба	Баб=й_о
Мужик	Мужич=й_о
Зверь	Звер=й_о
Ворон	Ворон=й_о
Комар	Комар=й_о
Старик	Старич=й_о
Кулак	Кулач=й_о
Брат	Брат=ий_а

4. Парадигма СЧЕТНОСТИ. Данная парадигма представлена суффиксально маркированными формами единичности (сингулятивности) vs. немаркированными формами несчетности (собирательности) (табл. 5).

Таблица 5

Парадигма счетности русских существительных

Table 5

Countability paradigm for Russian nouns

Единичная+	Несчетные слова
Горош=ИН_а,	Горох
Пуш=ИН_а,	Пух
Виноград=ИН_а,	Виноград
Клюкв=ИН_а,	Клюква
Картофел=ИН_а,	Картофель
Град=ИН_а,	Град
Жемчуж=ИН_а,	Жемчуг
Солом=ИН_а,	Солома
Бисер=ИН_а,	Бисер

5. Парадигма ГЕНДЕРНОСТИ. Пол является естественной категорией, задающей разбиение на классы. М. А. Кронгауз отмечает:

«...можно говорить об универсальной семантической категории пола (копирующей соответствующую естественную категорию), а для конкретных языков – об определенных ее трансформациях, специфике ее выражения и даже об отдельных коррелирующих с ней грамматических категориях» [10: 511].

Формальная соотносительность между мужскими и женскими обозначениями осуществляется (за небольшими исключениями) с высокой степенью регулярности (табл. 6).

Таблица 6
Парадигма гендерности русских существительных
Table 6
Gender paradigm for Russian nouns

Нейтральная форма мн. ч.	Мужская форма	Женская форма
Монахи	Монах	Монах=и ^н _я, монаш=ьк_а
Боги	Бог	Бог=и ^н _я
Ткачи	Ткач	Ткач=их_а
Слоны	Слон	Слон=их_а
Мастера	Мастер	Мастер=иц_а
Цари	Царь	Цар=иц_а
Артисты	Артист	Артист=к_а
Гуси	Гус=ак	Гус=ын_я
Лисы	Лис=ов=ин	Лис=иц_а

Думается, что высказывание академика В. В. Виноградова о том, что коррелятивные слова *ученик-ученица, художник-художница, причудник-причудница, озорник-озорница* «ближе к формам одного слова, хотя и не являются таковыми» [2: 40], свидетельствует о возможности квалификации данных образований в качестве членов суффиксально маркированной именной категории. Причем маркируется обычно значение «женский пол», выделяемое по соотношению с существительными мужского рода, обозначающими лиц мужского пола или самцов (у животных). По мнению А. Л. Шарандина, данная категория может быть представлена не двоичной, а троичной оппозицией, где крайние оппозиты *гусыня* и *гусак* маркированы по отношению к *гусь*. Действительно, оппозицию составляют не *гусь-гусыня*, а *гусак-гусыня*:

«Например, слова *гусак* и *гусыня* находятся в отношениях словообразовательной мотивации со словом *гусь*, что отражает семантическая мотивация: *гусак* – *гусь-самец*; *гусыня* – *гусь-самка*. В отношениях же между собой они не находятся в этих отношениях, являясь по существу антонимической парой. В целом же слова *гусь*, *гусак* и *гусыня* образуют троичную словообразовательную (!) оппозицию по признаку пола: *гусыня* > *гусь* < *гусак*» [19: 61].

Действительно, различия по полу и характеристика по грамматическому роду сильно скоррелированы (у одушевленных существительных), но не тождественны – у неодушевленных. Род во множественном числе нейтрализуется, как и оппозиция взрослости-детскости (о которой пойдет речь далее): *гуси* – это и самцы, и самки, и детеныши, а *пол* (и *детскость*) во множественном числе не нейтрализуется: *гусаки, гусыни, гусята* – это всё *гуси*.

В русском языке представлены модели с тем или иным заполнением, реализацией этой троичной оппозиции. Поскольку мужской род склонен к нейтральности, совпадая со средним в формах косвенных падежей, а женский – маркирован, часто триада вырождается в пару: нейтральное / мужское: женское. Третью разновидность составляют те немногие пары, в которых существительное мужского рода морфологически сложнее (маркировано суффиксом маскулинности), чем женского: *дур=ак* – *дура*, *ведьм=ак* – *ведьма*, *вдов=ец* – *вдова*. Пары типа *раб-раба, супруг-супруга, ворон-ворона, внук-внука* (ср. *внучка*), демонстрирующие своеобразное родоизменение, возникли в том состоянии системы языка, когда род был еще «непостоянным» признаком. Впоследствии произошла «семасиологизация» этих форм – закрепление за ними гендерного различия. Но это уже относится к лексико-семантическим процессам. Аналог мы наблюдаем и при субстантивации прилагательных: *больной-больная, учащийся-учащаяся, раненый-раненая* и т. п. Кроме того, как справедливо полагает А. А. Кретов,

«надо последовательно различать случаи типа ЦАРЬ-ЦАРИЦА, где *царица* является гендерным вариантом слова ЦАРЬ (ср. *лис-лиса/лисица*), и УЧИТЕЛЬ-УЧИТЕЛЬНИЦА, где близкое по семантическому и грамматическому значению слово имеет сложную деривационную историю: *учитель* > *учительная женщина* > *учительница*. *Учительница* в отличие от *царицы* не является формой слова *учитель*. И уж совсем некорректно было бы считать лексемы *ученик-ученица* аллолексами и/или выводить лексему *ученица* из *ученик*. Оба слова образованы от словосочетаний с причастием *учёный*: *учёный мальчик* > *ученик*, *учёная девочка* > *ученица*» [7: 26].

6. Парадигма ВЗРОСЛОСТИ-ДЕТСКОСТИ. Суффиксальная парадигма включает обозначение детеныша животного. Здесь отмечается оппозиция взрослости (немаркированный член) с не-взрослостью (маркированный член). Примеры суффиксальной парадигмы приводятся в табл. 7. Вспоминая хрестоматийный пример Л. В. Щербы, мы видим реализацию этой парадигмы в паре *бокp* – *бокpенoк*.

Таблица 7
 Парадигма взрослости-детскости
 русских существительных
 Table 7
 Maturity-immaturity paradigm
 for Russian nouns

Нейтральная форма	Невзрослая форма
Аист	Аист=ён=ок_ь
Волк	Волч=он=ок_ь
Выдра	Выдр=ён=ок_ь
Гад	Гад=ён=ыш_ь
Дет=я_ (нар.-разг.) Дитё	Дет=ён=ыш_ь
Зверь	Звер=ён=ыш_ь

О том, что данные суффиксы представляют собой соединения двух морфов, писали в свое время Г. П. Павский и А. А. Потебня. Один из них восходит к древнему индоевропейскому суффиксу -ENT, другой к праславянскому суффиксу -ЪК. Существительные на -ent со значением 'не-взрослое живое существо' могли образовываться как непосредственно – от названий взрослых животных, так и опосредованно – через ступень прилагательного, образованного от последних с помощью суффикса -j. Подтверждением этого служат слова типа *медвежата*, *верблюжата*, в которых чередование *д/жд* имеет словообразовательное значение и фактически выполняет функцию материально отсутствующего (а точнее – присутствующего в материально преобразованном виде) суффикса *j* (без него правильными были бы формы **медведята* и **верблюдята*) [8: 95].

Данная парадигма позволяет обратить внимание на необходимость различения генетического и функционального аспектов в морфологии. Генетическое (деривационное, словообразовательное) показывает историю образования формы (в случае невзрослых форм от притяжательного прилагательного к существительному, например, *медвежьи детёныши* – *медвежата*, *волчьи детёныши* – *волчата*). Заметим, что притяжательные прилагательные представляют собой реликт субстантивно-адъективного симбиоза, когда имя было еще синкретичным, объ-

единявшим будущие существительные и прилагательные. Функциональная характеристика формы – это то, как форма стала использоваться. Например, *свинья* – притяжательное прилагательное (*свинья матка*) стало использоваться как существительное. В случае с невзрослыми формами семантика существительного «детеныш кого?» (*волчонок* – *детеныш волка*) стала приписываться суффиксу. Необходимо различать способ образования слова в деривационной подсистеме и функционирование слова в лексико-семантической подсистеме языка. Мутационный способ образования может использоваться и в морфологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Морфология – это парадигматика, а парадигма может быть не только флективной, но и суффиксальной и не столько в словообразовании, где она, по существу, безработна, сколько в морфологии, где она работает на полную мощность. Системная морфология русского языка требует включить в грамматическую парадигматику суффиксальные парадигмы. Предложенное понимание формообразования выделяет в качестве морфологических категории существительных, традиционно описываемые либо в качестве лексико-грамматических (единичность, собирательность), либо описываемые в словообразовании (гендер, невзрослость).

Как известно, грамматическим значениям свойственна 1) обязательность и 2) парадигматичность. Поскольку во всех перечисленных значениях есть общий немаркированный нейтральный член парадигмы, то все эти парадигмы обладают таким признаком грамматического значения, как обязательность. Парадигматичность также налицо, поскольку все перечисленные значения образуют трех- или, как минимум, двухчленную парадигму. Если флективные парадигмы характеризуют грамматический строй русского языка как флективный, то суффиксальные парадигмы указывают на наличие в русской морфологии и элементов агглютинации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барулин А. Н. Русское именное словоизменение А. А. Зализняка и дальнейшие пути развития его идей. Часть 1 // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков: Электронное научное издание. М.: Ин-т языкознания РАН, 2018. № 10. С. 19–76.
2. Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике: Избр. труды / [Предисл. Н. Шведовой]; АН СССР. Отд. лит. и яз. М.: Наука, 1975. 559 с.
3. Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. 752 с. (Studia philologica).
4. Исаченко А. В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков // Slavia. 1958. Т. 27, № 3. С. 334–352.

5. Кр е т о в А. А. Альтернативный взгляд на русское словообразование // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Вып. 2 (12): Сб. науч. ст. / Науч. ред. С. И. Доброва. Воронеж, 2025. С. 3–16.
6. Кр е т о в А. А. Два принципа устройства мироздания и языка // Грамматика III тысячелетия в контексте современного знания: XXVIII Распоповские чтения: Материалы Междунар. конф., посвящ. 50-летию со дня основания кафедры русского языка филологического факультета ВГУ, 85-летию со дня рождения проф. И. П. Распопова, 75-летию со дня рождения проф. А. М. Ломова. Воронеж, 2010. С. 17–26.
7. Кр е т о в А. А. Деривационная история существительных на -ница и проблема «вторичных формантов» // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Сб. науч. ст. Воронеж, 2023. С. 3–31.
8. Кр е т о в А. А. Медвежата, верблюжата, цыплята и свинья: славянские этимологии // Этимология 1994–1996. М., 1997. С. 95–100.
9. Кр е т о в А. А. О глагольных основах в русском языке // Филологические записки. 1995. № 5. С. 160–170.
10. Кр о н г а у з М. А. Sexus, или Проблема пола в русском языке // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. М., 1996. С. 510–525.
11. Кр ы л о в С. А. Некоторые уточнения к определениям понятий словоформы и лексемы // Семиотика и информатика: Сб. науч. ст. М., 1982. Вып. 19. С. 118–136.
12. Ку з н е ц о в П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология: Учеб. пособие для высших учебных заведений. М.: Изд-во Московского ун-та, 1953. 302 с.
13. Ку р и л о в и ч Е. Деривация лексическая и синтаксическая // Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 57–70.
14. М е р ку л о в а И. А. Аугментативы как суффиксальные формы русских существительных // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 4. С. 114–125. DOI: 10.17308/lic/16805755/2023/4/114-125
15. Р а с п о п о в И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. Изд. 3. М.: URSS, 2013. 192 с.
16. С м и р н о в а Л. Г. Вопрос о грамматических средствах выражения оценки в свете синтаксических исследований А. А. Шахматова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 3. С. 17–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1157
17. Ф о р т у н а т о в Ф. Ф. Избранные труды. Т. 1. М.: Гос. учеб.-педагог. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1956. 450 с.
18. Ф о р т у н а т о в Ф. Ф. Избранные труды. Т. 2. М.: Гос. учеб.-педагог. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1957. 471 с.
19. Ш а р а н д и н А. Л. Морфемика и словообразование. Теоретические основы и практикум: Учеб. пособие. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2020. 227 с.
20. Ш а х м а т о в А. А. Очерк современного русского литературного языка / Вводн. ст. С. И. Бернштейна. Изд. 4-е. М.: Учпедгиз, 1941. 288 с.
21. Ш а х м а т о в А. А. Синтаксис русского языка. М.: Учпедгиз, 1941. 624 с.
22. Ш а х м а т о в А. А. Учение о частях речи // Из трудов А. А. Шахматова по русскому языку. М.: Гос. учебно-педагог. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1952. С. 195–198.
23. Щ е р б а Л. В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 63–84.
24. D o k u l i l M. Tvoření slov v češtině. Část 1. Teorie odvozování slov. Praha, 1962. 264 s.

Поступила в редакцию 25.07.2025; принята к публикации 27.04.2026; дата публикации 30.06.2026

Original article

Inna A. Merkulova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor,
Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-1364-5812; igell1@yandex.ru

SUFFIX FORMATION OF RUSSIAN NOUNS

A b s t r a c t. The article addresses the problem of distinguishing between word formation, form formation, and word inflection based on a systemic (linguistic) criterion. It is assumed that the system of formation of forms is basically the same for all words of the Russian language: verbs, adjectives, nouns, and unchangeable words combining with the zero paradigm of word inflection. This implies the possibility and necessity of identifying suffix-marked categories of nouns. The research aims at clarifying the status of form formation. The criterion of form formation is any addition of an affix that does not lead to a change in the inflectional paradigm. Form formation is both affixal, like word formation, and grammatical (paradigmatic), like word inflection. Form formation differs from word inflection only in the grammatical method, since it uses suffixes, not inflections. However, what unites them is the obligatory nature of expression (by a zero or marked member of the category). The proposed understanding of form formation requires considering the properties of nouns traditionally described as lexical-grammatical ones (singularity, collectivity) or described within word

formation (gender, immaturity) as distinct morphological categories. While inflectional paradigms characterize the grammatical structure of the Russian language as inflectional, the presence of suffixal paradigms indicates the presence of agglutination elements in Russian morphology.

Key words: form formation, word inflection, word formation, paradigm, grammatical categories of nouns

For citation: Merkulova, I. A. Suffix formation of Russian nouns. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(5):8–16. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1329

REFERENCES

1. Barulin, A. N. The Russian nominal inflection as described by A. A. Zaliznyak and further ways of developing his ideas. Part I. *Linguistics and Language Teaching*. 2018;10:19–76. (In Russ.)
2. Vinogradov, V. V. Research on Russian grammar: Selected works. Moscow, 1975. 559 p. (In Russ.)
3. Zaliznyak, A. A. Russian Nominative Inflection with an appendix of selected works on modern Russian and general linguistics. Moscow, 2002. 752 p. (Studia philologica). (In Russ.)
4. Isachenko, A. V. Revisiting the structural typology of the vocabulary of Slavic literary languages. *Slavia*. 1958;27(3):334–352. (In Russ.)
5. Kretov, A. A. An alternative view on Russian word formation. *Problems of studying living Russian words at the turn of the millennium*. Issue 2 (12): Collection of research articles. (S. I. Dobrova, Ed.). Voronezh, 2025. P. 3–16. (In Russ.)
6. Kretov, A. A. The two principles of the universe and language. *Grammar of the third millennium in the context of modern knowledge: The XXVIII Raspopov Readings: Proceedings of the international conference celebrating the 50th anniversary of the Chair of the Russian Language of the Department of Philology at Voronezh State University, the 85th anniversary of Professor I. P. Raspopov, and the 75th anniversary of Professor A. M. Lomov*. Voronezh, 2010. P. 17–26. (In Russ.)
7. Kretov, A. A. The derivational history of nouns ending with *-нуца* and the problem of “secondary formants”. *Problems of studying living Russian words at the turn of the millennium: Collection of articles*. Voronezh, 2023. P. 3–31. (In Russ.)
8. Kretov, A. A. Cubs, camel calves, chickens, and pigs: Slavic etymologies. *Etymology 1994–1996*. Moscow, 1997. P. 95–100. (In Russ.)
9. Kretov, A. A. About verb bases in the Russian language. *Filologicheskoye zapiski*. 1995;5:160–170. (In Russ.)
10. Krongauz, M. A. Sexus, or the problem of gender in the Russian language. *Russian studies. Slavistics. Indo-European studies*. Moscow, 1996. P. 510–525. (In Russ.)
11. Krylov, S. A. Some clarifications to the definitions of word form and lexeme. *Semiotics and computer science: Collection of articles*. Moscow, 1982. Issue 19. P. 118–136. (In Russ.)
12. Kuznetsov, P. S. Historical grammar of the Russian language. Morphology: University textbook. Moscow, 1953. 302 p. (In Russ.)
13. Kurilovich, E. Lexical and syntactic derivation. *Essays on linguistics*. Moscow, 1962. P. 57–70. (In Russ.)
14. Merkulova, I. A. Augmentatives as suffix forms of Russian nouns. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2023;4:114–125. DOI: 10.17308/lic/16805755/2023/4/114-125 (In Russ.)
15. Raspopov, I. P. The structure of a simple sentence in the modern Russian language. Moscow, 2013. 192 p. (In Russ.)
16. Smirnova, L. G. The question of grammatical means for expressing evaluation in the light of A. A. Shakhmatov’s syntactic research. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(3):17–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1157 (In Russ.)
17. Fortunatov, F. F. Selected works. Vol. 1. Moscow, 1956. 450 p. (In Russ.)
18. Fortunatov, F. F. Selected works. Vol. 2. Moscow, 1957. 471 p. (In Russ.)
19. Sharandin, A. L. Morphemics and word formation. Theoretical foundations and practical training: Textbook. Tambov, 2020. 227 p. (In Russ.)
20. Shakhmatov, A. A. An essay on the modern Russian literary language. Moscow, 1941. 288 p. (In Russ.)
21. Shakhmatov, A. A. Syntax of the Russian language. Moscow, 1941. 624 p. (In Russ.)
22. Shakhmatov, A. A. The teaching about parts of speech. From the works of A. A. Shakhmatov on the Russian language. Moscow, 1952. P. 29–138. (In Russ.)
23. Shcherba, L. V. On the parts of speech in the Russian language. *Selected works on the Russian language*. Moscow, 1957. P. 63–84. (In Russ.)
24. Dokulil, M. Tvoření slov v češtině. Část 1. Teorie odvozování slov. Praha, 1962. 264 p.

Received: 25 July 2025; accepted: 27 April 2026; published: 30 June 2026